

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

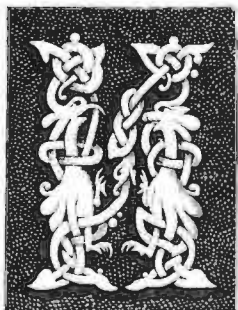
ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

АВГУСТЪ, 1898

ПОХОДЪ ВЪ ХИВУ ВЪ 1839 ГОДУ.

(Изъ записокъ участника).

ЗВѢСТНО, что въ 1839 году былъ совершенъ генераль-адъютантомъ Перовскимъ походъ въ Хиву, окончившійся полною неудачею, благодаря жестокой зимѣ, стоявшей въ этотъ несчастный годъ, и необыкновенно сильнымъ метелямъ, свирѣпствовавшимъ въ обширныхъ степяхъ Средней Азіи.

Небольшой отрядъ Перовскаго не былъ въ состояніи бороться съ стихіей и послѣ 8-ми-мѣсячной борьбы съ вьюгами и морозомъ вернулся въ г. Оренбургъ, похоронивъ половину людей въ азіатскихъ степяхъ и положивъ массу больныхъ въ госпитали.

Въ виду того, что имѣющіяся свѣдѣнія объ этомъ походѣ весьма ограничены, каждый новый матеріалъ о немъ, особенно же записки очевидца и участника, представляютъ безспорно большой интересъ, я считаю нелишнимъ помѣстить записки о походѣ въ Хиву, которыя случайно получилъ отъ ветерана николаевскихъ временъ, участника покоренія Средней Азіи, полковника Егора Михайловича Косырева, бывшаго очевидцемъ бѣдствій и неудачъ, испытанныхъ хивинскимъ отрядомъ зимою 1839 года.

Еще съ 1837 года начали готовиться въ Оренбургѣ къ хивинскому походу. Пѣхота обмундировывалась въ теплую одежду и обувь, по изобрѣтенной формѣ для зимняго времени; шились теплыя шапки,

на манеръ сѣрыхъ арестантскихъ, съ назатыльниками изъ чернаго сукна, съ краснымъ околышемъ и огромнымъ четырехъугольнымъ козырькомъ. Полушубки были сдѣланы изъ джибаги, т. е. изъ сваленой бараньей шерсти, нашитой на холстъ, поверхъ которой надѣвались сѣрыя шинели. Подштанники также были на киргизской шерсти и туго простеганы; шаровары, сшитые изъ толстаго и чернаго сукна, были приспособлены къ тому, чтобы шинель и полушубокъ могли свободно входить въ нихъ и затягиваться особо устроеннымъ гашникомъ (поясомъ). Сапоги были настолько широки, что въ нихъ помѣщались кошемныя (войлочные) валенки, а на ноги солдатъ надѣвались шерстяные чулки и портянки. Къ воротнику шинели пристегивались на крючкахъ, сдѣланные изъ заячьяго мѣха, накладные воротники, обшитые снаружи краснымъ сукномъ, а для предохраненія лица, носа и подбородка отъ мороза шились изъ чернаго сукна маски, съ прорѣзанными отверстиями для рта и глазъ и пришитыми суковными носами.

Одѣтые въ такую форму солдаты были до безобразія толсты и неповоротливы, а въ маскѣ и съ ружьемъ въ лѣвой рукѣ солдатъ уже терялъ совершенно человѣческій обликъ и походилъ на чорта, какой обыкновенно изображается на лубочныхъ картинкахъ, продающихся въ мелочныхъ лавкахъ.

На зауральской сторонѣ, въ берегу рѣки Старицы было устроено много русскихъ печей, въ которыхъ выпекались хлѣба и сушились сухари для формировавшагося отряда. Съ этою цѣлью были командированы отъ всѣхъ частей хлѣбопеки и особые кашевары, которые занимались сушкою свеклы, картофеля, моркови и лука. Въ манежѣ была поставлена паровая машина для прессованія сѣна въ кубы, чтобы его было удобнѣе выючить на верблюдовъ. Этимъ дѣломъ былъ занятъ, спеціально выписанный по этому случаю, англичанинъ. Во всѣхъ военныхъ мастерскихъ заготавливались лодки, понтоныя сани, для похода; вьюки для верблюдовъ, бочки, бочата, ящики разной величины и т. п.

Въ это же время солдаты обучались собирать и разбирать киргизскія кибитки, выючить ихъ на верблюдовъ и, развьючивая, опять ставить на землю. Для этого подавалась команда: «навьючивай!» или «развьючивай!», «разбирай кибитку!» или «ставь кибитку!». Солдаты быстро усвоили себѣ способы вьючки и установки своихъ будущихъ походныхъ хоромъ, но только не въ походной одеждѣ, въ которой солдатъ чувствовалъ себя совершенно скованнымъ. Наконецъ, къ осени 183⁰ года поспѣли и верблюды.

Такимъ образомъ, были приготовлены къ походу 5-й оренбургскій линейный баталіонъ и двѣ роты 3-го баталіона, одинъ полкъ уральскихъ казаковъ, уфимскій казачій полкъ, бывший въ то время регулярнымъ полкомъ на такихъ же правахъ, какъ и уланскіе, который впоследствии былъ расформированъ за упраздненіемъ, въ г.

Чугуевѣ въ 1845 году. Одна батарея и одна полубатарея казачьей конной артиллеріи и часть крѣпостной гарнизонной артиллеріи, командъ: саперовъ и піонеровъ.

Хивинскій отрядъ состоялъ изъ 5.217 человекъ при 22-хъ орудіяхъ 4-хъ ракетныхъ станкахъ, и былъ окончательно сформированъ къ 18-му ноября 1839 года.

Второй оренбургскій линейный баталіонъ съ небольшимъ числомъ уральскихъ казаковъ еще лѣтомъ отправился впередъ для приготовленія въ степяхъ колодцевъ и возведенія двухъ временныхъ укрѣпленій на рѣкѣ Эмбѣ и Акъ-булакѣ. Выполнивъ свою задачу, баталіонъ этотъ, оставивъ часть своихъ ротъ и казаковъ въ укрѣпленныхъ имъ пунктахъ, возвратился къ осени въ Оренбургъ. 18-го ноября, въ 11 часовъ утра, былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго корпуса генераль-адъютантомъ Перовскимъ смотрѣ войскамъ, а затѣмъ и выступленіе въ походъ.

Рано утромъ, отрядъ сталъ собираться за крѣпостными самарскими воротами, началась выючка верблюдовъ и укладка въ сани всевозможныхъ принадлежностей, заготовленныхъ къ походу. Въ сани впрягали верблюдовъ, и когда эта работа была окончена, отрядъ сталъ строиться въ указанномъ порядкѣ. Морозъ былъ довольно значительный, но солдаты, одѣтые въ теплую одежду, чувствовали себя бодро и, подпучивая надъ смѣшнымъ своимъ одѣяніемъ, ожидали выступленія. Въ 9¹/₂ часовъ къ отряду пріѣхалъ начальникъ 22-й пѣхотной дивизіи, генераль-лейтенантъ Толмачевъ, въ походной формѣ, т. е. въ сюртукѣ, подбитомъ мѣхомъ, при эполетахъ, шарфѣ и въ шапкѣ съ большимъ козырькомъ и, осмотрѣвъ отрядъ, сталъ ожидать главнаго начальника отряда генераль-адъютанта Перовскаго. Оригинальное зрѣлище представлялъ собою отрядъ, наряженный въ неуклюжую свою форму и съ масками на лицахъ у солдатъ—онъ положительно имѣлъ видъ легіона бѣсовъ, явившихся изъ преисподней. Въ 11 часовъ прибылъ къ отряду и генераль Перовскій, поздоровался съ войсками и, объѣхавъ ихъ, приказалъ двинуть отрядъ церемоніальнымъ маршемъ повзводно на взводныя дистанціи чрезъ самарскія ворота на «плаць-парадное мѣсто», куда онъ и отправился впередъ, чтобы пропустить мимо себя войска. Генераль-лейтенантъ Толмачевъ повелъ колонну справа повзводно и, подойдя къ мѣсту, гдѣ стоялъ окруженный свитою начальникъ отряда, и, отсалютовавъ ему шпагою, подошелъ къ генералу Перовскому и оставался возлѣ него до тѣхъ поръ, пока не прошли всѣ части. Тогда онъ сѣлъ верхомъ на лошадь и поскакалъ впередъ. Войска проходили церемоніальнымъ маршемъ скорымъ шагомъ, держа ружья подъ прикладъ. Сначала шла пѣхота, имѣвшая по 32 ряда во взводахъ трехшереножнаго строя, потомъ уфимскій казачій полкъ, уральскіе казаки, артиллерія и далѣе вагенбургъ. Прохожденіе войскъ длилось около 3-хъ часовъ мимо начальника от-

ряда, который внимательно осматривалъ каждого солдата и повозки. Пройдя въ такомъ порядкѣ уральскія ворота, отрядъ перешелъ по льду рѣку Уралъ и остановился верстахъ въ двухъ отъ города по ту сторону рѣки, гдѣ и расположился въ видѣ четырехугольника, вокругъ приготовленнаго аналоя. По прибытіи всѣхъ чиновъ отряда, начался напутственный молебенъ. Наступила глубокая тишина, и только голосъ священника и стройное пѣніе походныхъ пѣвчихъ раздавались среди молящейся толпы людей, готовой черезъ нѣсколько минутъ вступить въ тяжелый степной походъ во время суровой зимы съ ея вьюгами и мятелями.

Этотъ день былъ замѣчателенъ тѣмъ, что съ выступленіемъ за Уралъ отряда пошелъ сильный снѣгъ, а на первомъ же полупереходѣ поднялся сильный буранъ, который продолжался, не переставая, трое сутокъ, и суровая степная зима съ этой поры вступила въ полныя права свои, то засыпая горсточку смѣлыхъ русскихъ воиновъ цѣлыми сугробами снѣга, то обдавая ихъ трескучимъ морозомъ и вѣтромъ. Зима того года была особенно снѣжная и морозная, а лежащій въ степи глубокій снѣгъ сильно препятствовалъ движенію отряда. На первыхъ же порахъ оказалось много отмороженныхъ рукъ и ногъ, появились заболѣвшіе, и много солдатъ успокоилось навсегда подъ холодною пеленою снѣга въ необозримыхъ азіатскихъ степяхъ. Отрядъ, кромѣ припасовъ для согрѣванія сбитня, не захватилъ для нижнихъ чиновъ ни водки, ни спирту, которые въ тяжелые походные дни сильно поднимаютъ бодрость духа утомленнаго и полупростуженнаго солдата. Между тѣмъ снѣгъ становился все глубже и глубже. Морозы усиливались. Вѣтеръ пронизывалъ каждого насквозь. Джибага нисколько не грѣла, и было бы удобнѣе, если бы вмѣсто нея одѣли солдата въ овчинны тулупы. Тяжелые сапоги при глубокомъ снѣгѣ сильно утомляли пѣхоту. Въ отрядѣ скоро наступило полное уныніе. «Хоть бы водочки выдали»,—стонали иззябшіе, полубольные люди. Но водки не было, а вмѣстѣ съ тѣмъ не доставало и топлива для согрѣванія сбитня. Положеніе отряда становилось критическимъ. Люди стали болѣть, верблюдыдохнуть такъ, что грузъ, который не на чемъ было перевозить дальше, былъ употребленъ или на топливо, или затопленъ въ рѣкѣ Эмбѣ.

Кое-какъ, съ большими лишеніями дотащился отрядъ до Чушкакуля (Свиное озеро) и остановился бивуакомъ. Между людьми появились различныя болѣзни, и почти всѣ заболѣли цынгою. Верблюды за малымъ исключеніемъ почти всѣ передохли, а тѣ, которые и остались, еле-еле волочили ноги и были совершенно негодны для перевозки не только груза, но даже и одного больнаго.

При движеніи въ Хиву, отрядъ былъ раздѣленъ на нѣсколько колоннъ, называвшихся по фамиліи начальствующихъ офицеровъ, и

всѣ онѣ одинаково находились въ тѣхъ же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и главный корпусъ отряда.

На одну изъ такихъ колоннъ, а именно майора Симбухина, пользуясь печальнымъ состояніемъ людей ея, набѣхла ночью шайка хивинцевъ и, отбивъ табунъ уцѣлѣвшихъ верблюдовъ, погнала ихъ въ степь, мимо колонны поручика Ерощеева. Этотъ офицеръ прибылъ передъ хивинскимъ походомъ изъ арміи, принявъ роту въ 3-мъ Оренбургскомъ линейномъ баталіонѣ, съ которою и выступилъ въ походъ. Присоединивъ къ колоннѣ своей сотню уральцевъ, поручикъ Ерощеевъ за Акъ-Булакомъ остановился на ночлегъ, сдѣлалъ изъ тюковъ преграду отъ снѣга и возлѣ нея уложилъ верблюдовъ. Такая ограда, въ случаѣ внезапнаго нападенія непріятеля, должна была служить и закрытіемъ. За тюками были разставлены кибитки, въ которыхъ кое-какъ согрѣвались нижніе чины. Какъ рассказывалъ поручикъ Ерощеевъ, у него къ этому времени было болѣе половины больныхъ людей, и треть всего числа, бывшихъ при колоннѣ, верблюдовъ издохла. Хивинцы, гнавшіе отъ колонны Симбухина верблюдовъ, наткнулись на его колонну и не застали ея врасплохъ только потому, что дежурный барабанщикъ (изъ цыганъ) ударилъ тревогу. Хивинцы подумали, что здѣсь расположенъ большой отрядъ, испугались, а отъ внезапнаго барабаннаго боя, раздаваемаго среди глубокой тишины, аргамаки ихъ стали бѣситься, сбрасывая съ себя сѣдлоковъ. Замѣтивъ это, поручикъ Ерощеевъ приказалъ и другому барабанщику бить дробь и открылъ по непріятелю огонь. Въ это время одинъ изъ смѣлыхъ солдатъ, во главѣ съ нѣсколькими линейцами, черезчуръ близко набѣжалъ на хивинцевъ; одинъ изъ нихъ накинулъ на него арканъ и, оттащивъ на отдаленное разстояніе, вмѣстѣ съ другими подоспѣвшими хивинцами началъ сдирать съ него съ живаго кожу. Несчастный испускалъ неистовые крики, которые рвали на части души его товарищей, и тогда поручикъ Ерощеевъ, во главѣ съ уральцами, бросился на выручку товарища, но хивинцы оставили верблюдовъ и скрылись. Далекое преслѣдованіе ихъ въ степи было рискованно, такъ какъ легко можно было сбиться съ пути, да и преслѣдованіе на измученныхъ киргизскихъ маштачкахъ степныхъ хивинскихъ скакуновъ было бы безумною попыткою. Отбитые верблюды были загнаны къ колоннѣ и положены около тюковъ. По утру, судя по числу оставшихся слѣдовъ лошадиныхъ копытъ, было опредѣлено, что хивинцевъ было болѣе тысячи человекъ. Стали отыскивать захваченнаго солдата, и нашли его трупъ обезглавленнымъ и съ отрубленными руками и по колѣна ногами. Такой же участи могъ подвергнуться одинъ офицеръ С., который, услыша раздирающіе душу крики захваченнаго солдата, вскочилъ на лошадь и въ безумномъ порывѣ съ нагайкою въ рукахъ бросился на выручку, но во время былъ остановленъ казаками, которые воротили его въ колонну. За это дѣло поручикъ Ерощеевъ

еоевъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и капитаны и награжденъ орденомъ Святаго Владиміра съ мечами и бантомъ ¹⁾. А барабанщикъ, забившій во время тревогу, получилъ Георгіевскій крестъ.

Отъ Акъ-Булака отрядъ, соединивъ всѣ свои части, двинулся къ Чушка-кулю, но киргизы-возчики отказались слѣдовать далѣе, что заставило главнаго начальника отряда подѣ страхомъ смерти принудить ихъ поднять грузы и идти далѣе. Съ большими лишениями дотянулся отрядъ до Чушка-куля, но и тутъ оказалось не лучше. Зима становилась суровѣе. Морозы и вѣтры донимали людей и верблюдовъ. Лошади почти всѣ передохли, а офицеры шли пѣшкомъ. Большинство вьюковъ было сожжено или брошено въ степи. Провіанту и топлива не хватало. Болѣзни усилились, и смертность стала увеличиваться. Въ джибагѣ завелись насѣкомыя, такъ что солдаты предпочли побросать ихъ, и ни одинъ не принесъ обратно съ собою это одѣяніе. Солдаты замерзали, неся сторожевую службу. Однажды, одинъ изъ колонныхъ начальниковъ, повѣряя передовые посты, увидѣлъ солдата въ полулежачемъ положеніи, держащаго ружье въ рукѣ. Онъ подошелъ къ нему и, громко крикнувъ: «чего ты сидишь, такой-сякой, на посту», ткнулъ его въ шею. Солдатъ свалился на снѣгъ и лежалъ неподвижно. Оказалось, что онъ былъ уже замерзшій трупъ.

Въ такомъ состояніи отрядъ простоялъ на Чушка-кулѣ до начала весны и съ первыми лучами весенняго солнца двинулся обратно въ Оренбургъ, убѣдившись въ невозможности идти дальше.

Послѣ восьми-мѣсячнаго пребыванія въ степи, 8-го іюля 1840 года, хивинскій отрядъ прибылъ въ Оренбургъ и остановился на зауральской сторонѣ на берегу рѣки Урала, противъ Баннаго озера, оставивъ погребенными въ степи нижнихъ чиновъ 1.054 человекъ да еще, по прибытіи, положивъ въ Оренбургскій госпиталь цынготныхъ 609 человекъ, въ томъ числѣ 20 офицеровъ. Больныхъ привезли въ госпиталь 6-го іюля; я тогда былъ дежурнымъ еще въ чинѣ прапорщика; картина, открывшаяся предо мной и бывшая не такою замѣтною въ походѣ, была ужасна. Жаль было смотрѣть на больныхъ, хотѣлось выразить участіе несчастнымъ страдальцамъ, но не было никакой возможности стоять долго въ палатѣ. У каждаго больнаго десна распухли, и изъ образовавшихся на нихъ тре-

¹⁾ Капитанъ Броосевъ, по возвращеніи изъ похода, былъ командированъ въ учебный образцовый полкъ на годъ и, возвратившись майоромъ, принялъ 3-й Оренбургскій линейный баталіонъ. Затѣмъ былъ комендантомъ Оренбургскаго укрѣпленія, а потомъ Раимскаго, гдѣ за отличіе произведенъ въ подполковники. Въ это же время онъ началъ сильно пить, заболѣлъ и вслѣдствіе этого уволенъ отъ службы. Но, благодаря ходатайству генерала Перовскаго, былъ снова принятъ на службу и зачисленъ младшимъ штабъ-офицеромъ въ Самарскій губернскій баталіонъ, на каковой должности и умеръ.

щинъ текли кровь и матерія съ ужаснымъ запахомъ, ноги были у всѣхъ сведены и въ ранахъ. Нѣкоторые въ тотъ же день и умерли. Офицеры, какъ и нижніе чины, были въ одинаковомъ положеніи. Цѣлыя толпы родственниковъ, женъ и дѣтей, собрались въ госпиталь, несмотря на страшную атмосферу, стоявшую въ зданіи. Несчастные мученики рассказывали, со слезами на глазахъ, своимъ близкимъ про тѣ бѣдствія, которыя перенесли они за этотъ несчастный походъ. Они ярко рисовали картину, какъ остались они безъ топлива, какъ все лишнее жгли вмѣсто дровъ, какъ рубили оглобли и сани и, наконецъ, кибитки для того, чтобы разогрѣть въ чайникѣ воду. Дѣйствительно эти люди испытали все, что можетъ только переиспытать человѣкъ, заброшенный въ пустыню во время суровой зимы, безъ пищи, крова и топлива.

Не помню, какъ долго стоялъ отрядъ, по прибытіи изъ степи, въ лагеряхъ, но, кажется, мѣсяца два или три. Уныніе было полное, и, чтобы поднять духъ солдатъ, а главное, чтобы не бросался ярко въ глаза трагическій исходъ похода, начальство устраивало ежедневно въ лагерѣ отряда празднества (было что праздновать!). Ежедневно съ 4-хъ часовъ и до пробитія вечерней зори играла тамъ военная музыка, по вечерамъ устраивались танцы, садъ иллюминировался, и пускался фейерверкъ. На эти вечера собиралось множество семействъ изъ общества Оренбурга, но вечера были вялы и не удачны.

Больные въ Оренбургскомъ госпиталѣ не поправлялись, и только нѣкоторые къ концу года выздоровѣли, а большинство отправилось въ вѣчность.

Памятенъ былъ всѣмъ Хивинскій походъ, о которомъ каждый отзывался съ необыкновенною грустью и неохотно пускался въ описаніе подробностей пережитаго. Дорого обошелся и государству этотъ походъ, кромѣ погибшихъ полныхъ силъ людей, на него было затрачено 1.700.000 рублей ассигнаціями и 12.000 червонныхъ.

Въ концѣ октября мѣсяца, 1840 года были возвращены изъ Хивы 600 человѣкъ русскихъ плѣнныхъ, отсталыхъ отъ отряда, подобранныхъ хивинцами, которые всюду слѣдовали по пятамъ русскихъ, а также захваченныхъ ими, еще до выступленія русскихъ въ Хивинскій походъ, съ нашихъ пограничныхъ пунктовъ. Жалкій видъ имѣли плѣнные. Въ оборванныхъ хивинскихъ халатахъ, съ выбритыми головами или же уже съ отросшими лохматыми волосами, они положительно едва сохранили образъ человѣческій. На лицахъ ихъ можно было прочесть тѣ страданія, какія пришлось перенести имъ въ плѣну у дикихъ хивинскихъ племенъ. Эти несчастные мученики рассказывали ужасныя подробности о вынесенныхъ ими страданіяхъ. Ихъ продавали въ рабство, били кнутами и нагайками, держали въ клоповникахъ безъ пищи, оставляя на произволь ужаснымъ насекомымъ. Глубокіе шрамы на плечахъ и спинѣ свидѣтельствовали

объ истязаніяхъ, которымъ подвергались эти несчастные люди. Нѣсколько человекъ были съ выколотыми глазами и, возвратясь на родину, уже не видали ея, а рыдали, обнимая своихъ земляковъ. Что было на душѣ у этихъ несчастныхъ,—одному Богу извѣстно. Измученныя, съ безжалостно оскорбленною честью женщины были ужасны. Безъ слезъ нельзя было смотрѣть на нихъ. Душа кипѣла мщеніемъ за эту горсть собратій, для которыхъ жизнь уже поблекла, для которыхъ не открывалось уже розоваго будущаго, такъ какъ лучшіе годы ихъ и лучшія силы ушли въ рабствѣ, насиліи и поруганіи. Многіе не выдержали всеунигнетающаго рабства, сложили въ Хивѣ свои кости, многіе были казнены за попытки къ бѣгству. Нѣкоторые удавалось и бѣжать, но и ихъ участь была не лучше, они погибли отъ голода и жажды въ безпредѣльныхъ степяхъ, замесенные пескомъ или снѣгомъ. Были и такіе, которые перемѣнили Христову вѣру и стали жить въ почетѣ среди мусульманъ, но такихъ насчитывалось очень немного—большинство рвалось на родину, сохранивъ вѣру Христа и любовь къ Россіи.

Одновременно съ возвращеніемъ плѣнныхъ былъ изданъ хивинскимъ ханомъ фирманъ о запрещеніи не только ловить русскихъ, но и покушать ихъ у баранчачей (разбойниковъ).

Е. Косыревъ.

